

Кукольник Нестор Васильевич

Альф и Альдона

Части 3-9

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н56

Н56 **Нестор Васильевич К.**
Альф и Альдона: Части 3-9 / Кукольник Нестор Васильевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 602 с.

ISBN 978-5-519-91662-2

ISBN 978-5-519-91662-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

АЛЬФЪ И АЛЬДОНА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіи Н. Фишона.

1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпля-
ровъ. С.-Петербургъ, 6 Марта 1852 года.

Ценсоръ *А. Фрейгангъ.*

ЧАСТЬ ТРЕТЯЯ.

БАРОНЪ КРИСТОФЪ.

—

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

МѢДНИКИ.

— «Что это?» спросила Вундина, указывая Сперъ на круглый большой мѣдный куполъ, возвышавшійся надъ густымъ лѣсомъ.

— «Мѣдники, дочь моя! Новый замкъ великаго князя; тутъ онъ любитъ жить лѣтомъ, охотиться на туровъ, отдыхать отъ тяжкихъ трудовъ. А что, Вундина, какъ ты себя чувствуешь?..»

— «Слава богамъ! Мы здоровы; только телѣжка твоя такая тряская; Гуго меня не узнаетъ; я такъ перемѣнилась. Какъ ты думаешь?»

— «Вундина, ты не имѣешь права печалиться и огорчаться. Ты должна помнить, что всякое движеніе твоего сердца отзывается уже въ другомъ сердцѣ; каждую минуту жизнь младенца въ опасности...»

— «Полно, полно, дядя, я тебѣ вѣрю и повинуюсь; только ты не сердись!.. Видишь, я молчу...»

И Вундина въ самомъ дѣлѣ замолчала и погрузилась въ глубокую думу. Поездъ двигался весь-

ма медленно; впереди ѣхали Жуки, въ черныхъ костюмахъ; за ними ивфландскіе охотники, которыхъ иногда, въ своихъ замысловатыхъ путешествіяхъ, нанималъ Спера; середину поѣзда составлялъ небольшой обозъ изъ четырехъ прусскихъ телегъ или фуръ, съ съѣстными припасами, платьемъ и т. п.; одна изъ фуръ была наполнена подушками, покрыта коврами; на ней лежала Вундина, блѣдная, изнеможенная, безуміе стало будто потише: Спера увѣрилъ ее, что Гуго, во время приступа къ Полунгъ, ушелъ въ Маріенбургъ. Вундина не оставляла Сперы, и въ Маріенбургъ онъ опять долженъ былъ составлять новую сказку. Спера увѣрилъ Вундину, что Гуго посланъ къ Ольгерду съ объявленіемъ войны. Вундина опять поѣхала за Сперой, котораго великій магистръ отправилъ въ Литву въ качествѣ посла, подъ прусскимъ его именемъ: Кристофа, изъ Ревеля. По обѣимъ сторонамъ тележки ѣхали Спера и Филиппенъ; поѣздъ заключался партіей наемныхъ охотниковъ.

Уже башни замка Мѣдницкаго выбѣжали изъ лѣса; уже толстыя стѣны съ мортирами протянулись поперекъ дороги, которая упиралась въ желѣзные ворота замка: солнце тонуло на западъ и послѣдними лучами, обливая мѣдный котелъ, въ видѣ купола, опрокинутый на великокняжескомъ дворцѣ, безчисленными звѣздами играло въ разноцвѣтныхъ стеклахъ высокихъ теремовъ, изукрашенныхъ также разноцвѣтною кудрявою рѣзбою. Нижніе ярусы дворца были закрыты высокою стѣною.

При поворотъ дороги къ Мѣдницкому замку стояла небольшая языческая божница, изъ камня; она была заперта; но возлѣ длинное узкое зданіе, которое тянулось почти на тридцати саженьяхъ, было наполнено разнаго рода посѣтителеми; множество повозокъ и лошадей покрывали всю площадку возлѣ зданія и нѣкоторые сосѣдніе холмы. То была гостинница Литовская; она носила это прозваніе для различія отъ другаго зданія, почти въ такомъ же вкусѣ построеннаго; но вмѣсто языческой божницы, за нимъ, на холмѣ, стояла часовня, съ иконою Богоматери. Какъ мы видѣли, былъ уже вечеръ; часовня пылала внутреннимъ свѣтомъ, который отъ множества свѣчъ дробился и разливался по золотымъ окладамъ главной и другихъ иконъ. Въ Гостинницѣ Русской, — такъ называлось второе зданіе, — также было много людей, а на площадкѣ много лошадей и повозокъ; нѣсколько подальше, въ виду обѣихъ гостинницъ, въ лѣсу, разставлены были татарскія кибитки въ большомъ порядкѣ и немаломъ числѣ. Пока повѣздъ нашъ дотацился до поворота дороги, смерклось. Въ теремахъ замка зажглись огни, въ двухъ или въ трехъ окнахъ.

Хозяинъ литовской гостинницы выбѣжалъ на встрѣчу нѣмецкому посольству; вынесли огни; Вундину сняли съ повозки почти сонную и внесли въ покой, отдѣльный, но низкій, сырой, грязный; изъ своихъ ковровъ и подушекъ Нѣмцы сдѣлали ей постель, уложили; она, какъ-будто очарованная, тотчасъ уснула. Спера сталъ одѣваться. При немъ

остался только одинъ Боря, а прочіе отправились въ главную залу или сарай, гдѣ свѣтлый литовскій алусъ разливался рѣкой. Спера преобразился въ бѣдняка, котораго мы уже видѣли разъ въ саду Бируты; взялъ въ руки до-желта съдой парикъ и сталъ въ него тщательно укладывать разныя бумаги.

— «Куда ты, батюшка?» спросилъ Боря.

— «Одѣваюсь на всякой случай! Можетъ-быть, у главныхъ воротъ кто-нибудь изъ знакомыхъ; авось, къ великому князю пропустятъ.»

— «Да какъ же ты узнаешь?»

— «А вотъ въ общей палатѣ; тамъ вѣрно есть кто-нибудь изъ дружины; а нѣтъ—толкнусь къ Руескимъ, а нѣтъ—и въ ворота постучусь; что за бѣда... не первый разъ... Прощай, да гляди, Боря: она чужая вдова; береги сердце... Помнишь, какъ горько было отъ Нѣмки отрываться; даромъ, что ты ее норовъ зналъ; а къ такой привяжешься, такъ и у меня силы не станеть...»

— «Да вѣдь честная вдова — вольная птица.»

— «А безуміе, а ребенокъ, а любовь къ другому, хоть и мертвому... Какъ тебя, однако, Нѣмцы испортили. Чуть увидѣлъ красавицу — самъ не свой. Что же будетъ, если я тебя къ великой княгинѣ поведу; тамъ всегда однѣхъ княженъ съ полдюжины, да надворныхъ разныхъ красавицъ безъ счета, — вотъ глаза разбѣгутся; а у меня, Боря, есть для тебя невѣста, только потерпи! Такъ гляди же, Боря, да на Вундину не засматривайся; говорю тебѣ, чужая вдова.. Не отдашь бы я ее те-

бъ на-руки, когда бъ было на кого другаго положитья. Прощай!»

Спера вынелъ на площадку. У самого порога онъ повстрѣчалъ какого-то челоуѣка. Незнакомецъ столкнулся съ нимъ, отвернулся и пошелъ мимо. Спера посмотрѣлъ ему вслѣдъ и пошелъ далѣе.

— «Такъ и есть!» сказалъ незнакомецъ, возвращаясь, когда Спера скрылся изъ вида: «Такъ и есть! Вундина! Чужая вдова! Я ее съ-разу-узналъ, какъ съ повозки сымали. И зачѣмъ принесла нелегкая этого Гришку къ намъ на веселье: а я было всѣхъ Рагутницъ съ околodka собралъ. То-то дѣвки! Сталъ поить; Рагутницы мои разнѣжились; хотѣли мы войти въ божницу; туда, кромѣ ихъ, да меня, никто не смѣй! А этотъ Гришка и приди! Узнаетъ! Продастъ! И надо же было и на Гришку и на Вундину наткнуться! Право, плакать приходится... Я, какъ крыса, въ знатный погребъ попалъ, — а тутъ усатый котъ въ двери... Право, мнѣ кажется, что я хочу плакать... Постой, поглядимъ, что Гришка дѣлаетъ... авось, налижится...»

И незнакомецъ подошелъ къ окну и сталъ прилежно наблюдать, что тамъ дѣлается. Сперы не было видно, потому что онъ не могъ протѣсниться къ прилавку, у котораго сидѣли почетнѣйшіе гости; на серединѣ сидѣлъ Буртиникъ, билъ въ какія-то гусли палочками, подпѣвалъ и подкрикивалъ, а подъ эту музыку плясали неистово красивыя женщины; ихъ платья едва держались на пухлыхъ, бѣлыхъ плечахъ; голыя ноги ихъ были обуты въ сан-

дали, похожія на римскія; только подошва, да носокъ, закрывавшій пальцы, а впрочемъ вся нога босая, въ переплетъ изъ ленточекъ; волосы вились длинными кудрями, голова обвита узкимъ золотымъ обручемъ, за который заложены цвѣтки и хмѣль; въ рукахъ однѣ держали кувшинчики изъ разноцвѣтнаго камня, другія — бубенчики, иныя — погремушки. Словомъ, это были литовскія вакханки и жрицы поморскаго Бахуса Рагута. Движенія ихъ нельзя было назвать пляской: онѣ летали, кружились, плавали, то на одномъ мѣстѣ разводили руками, изгибаясь во все стороны и всеми членами, то какъ-то свертывались, присѣдая, и снова подымались и кружились, сплетались въ кучу и съ крикомъ разбѣгались по всей палатѣ, разгоняли зрителей, къ которымъ бросались на шею, предлагали поцѣлуи, и когда жаркія уста какого-нибудь юноши уступали, Рагутницы вырывались, и обманутый цѣловалъ воздухъ. Старыя стѣны гостинницы тряслись отъ смѣха; одобрительные крики не прерывались; Гришка Русинъ, какъ старшій и какъ христіанинъ, хотѣлъ запретить подобный содомъ, но всеобщее негодованіе Литвиновъ-язычниковъ напомнило ему нолу Ольгерда — и Гришка замолчалъ. Въ это время Сперъ удалось протѣсниться къ почетному прилавку. Первый примѣтилъ его Гриша и разинулъ ротъ; хотѣлъ-было рѣчь начать, но палецъ Сперы приложился къ устамъ — и Гриша замолкъ.

— «Потрудись, пріятель,» сказалъ Спера по-Русски: «потрудись захватить чарку велико-княжескаго алуca.»

— «Выпьемъ вмѣстѣ!» отвѣчалъ Гришка, и подалъ Сперѣ чару.

— «Выпьемъ! Кто съ кѣмъ пьетъ, тотъ съ тѣмъ и говоритъ.»

— «Пожалуй, лучше умную бесѣду вести, чѣмъ на такой развратъ глядѣть.»

— «Такъ не гляди! Выпьемъ и пойдемъ, въ рощу себѣ на зеленомъ коврѣ раскинемся, да и станемъ балагурить...»

— «Умно!»

Вышли. У самого порога имъ опять повстрѣчался незнакомецъ, опять отвернулся и пошелъ мимо.

— «Что за чертовщина!» сказалъ Спера: «Этотъ чело­вѣкъ здѣсь не съ добрымъ ходитъ...»

— «Да это при какомъ ни есть обозѣ страж­никъ. Ты только погляди, какихъ людей здѣсь нѣтъ! Русскихъ князей больше десяти, послы отъ татарскихъ хановъ, изъ Новагорода, изъ Пскова, изъ нашихъ княжествъ люди съ дѣлами; да чего, изъ Авиньона, монахи; всѣхъ гостей не пере­чтешь; половина въ Вильнѣ ждетъ прїѣзда велико­княжескаго, а тутъ только ты, что прямо сюда прїѣхали...»

Спера слушалъ Гришу, и все глядѣлъ во слѣдъ незнакомцу, который ушелъ на холмъ и исчезъ между деревь и повозокъ.

— «Самъ не знаю, отъ чего меня этотъ чело­вѣкъ беспокоитъ; жаль, что мы съ нимъ не за­вели рѣчи; ну, да дѣлать нечего... Гриша, води меня къ великому князю, а дорогой Расскажи, какъ ты успѣлъ сюда прїѣхать...»

— «Да что, Юрій Никитичъ, дѣло простое, взяли мы Полунгу, князя мы всю ночь не выдали... Поутру князь вышелъ къ намъ, самъ не свой; снялся со всею дружиною; въ твердынь оставилъ Видымунда съ отрядомъ, а мы въ Пруссы. Альфъ говорилъ, просилъ, плакалъ, заклиналъ, чтобы его въ Полунгъ оставить: князь не согласился, говорить: «Боюсь я на такое дѣло безъ Ольгерда соизволить; пойдемъ въ походъ; потомъ въ Вильну, пусть рѣшитъ старшій братъ.» Безтолковый походъ. На одномъ мѣстѣ цѣлый мѣсяцъ промаялись; то перейдемъ Нѣманъ, то опять назадъ къ Полунгъ норовимъ; увидимъ маякъ, да будто отъ страха какого,—опять въ Пруссы; такъ было раза три, а потомъ, безъ оглядки, пошли на Ковно. Пришли въ Ковно. Князь и заперся въ замкъ. Альфа отъ себя ни на шагъ не пускаетъ. Потомъ они какъ-то не поладили; Альфъ было куда-то ушелъ, да поймали; пошла ссора; вотъ князь и говоритъ: «Хорошо, хорошо, пусть старшій братъ насъ разсудитъ...» и послалъ меня впередъ, а завтра, я думаю, и самъ станетъ въ Вильнѣ... Великій князь пойдетъ къ нему на встрѣчу, а мнѣ велѣлъ при себѣ быть.»

— «Ну, что Грина, доволенъ ты своимъ мѣстомъ?...»

— «Еще бы! И почетъ великъ, и воля молодечеству; мѣстомъ я доволенъ, да счастье, не отъ мѣста, а моему счастью не бывать...»

— «Отъ чего же Грина?»

— «Какъ отъ чего! Вундины я ужъ не увижу